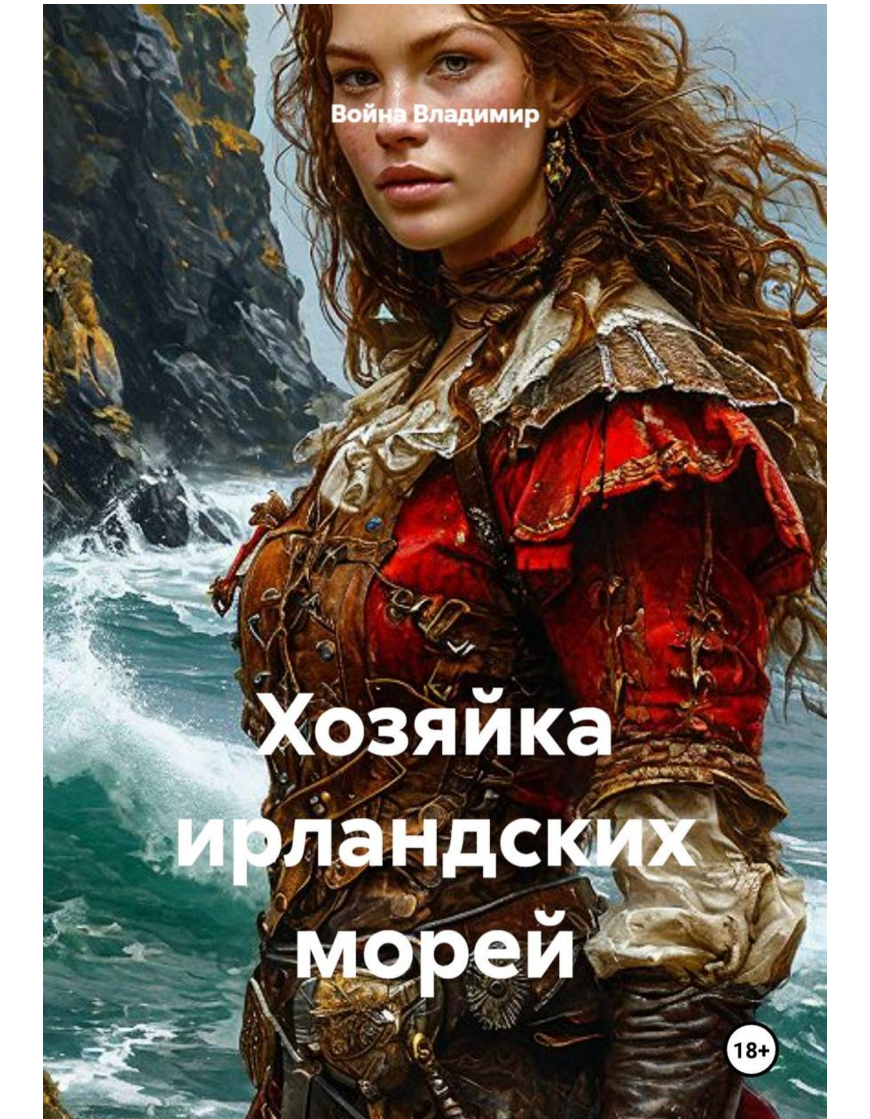

Война Владимир

Хозяйка ирландских морей

18+

Война Владимир Хозяйка ирландских морей

<https://litres.ru/74098449>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она родилась в мире, где женщина стоила меньше хорошего меча. Дочь ирландского вождя, жена воина, мать троих детей — Грануаль Ни Мэлли могла бы остаться безымянной тенью в замке своего мужа. Но она выбрала море.

Пиратская королева. Гроза английских галеонов. Женщина, говорившая с Елизаветой Тюдор как равная с равной.

Это история о свободе, которая оплачивается кровью. О любви, которую отнимает шторм. О мести, не знающей пощады. И о легенде, которая не умрёт, пока волны бьются о скалы западной Ирландии.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Хозяйка ирландских морей

Глава

Введение

Плата за прилив

Западное побережье Ирландии, год 1603-й от Рождества Христова.

Старуха стояла на краю утёса, и ветер рвал её седые космы, словно хотел оторвать от земли. Далеко внизу, в серой мгле Атлантики, пенились буруны, разбиваясь о неприступные скалы Клэра. Кожаные паруса её галер давно сгнили в бухтах, а кости её врагов стали белее мела. Её называли королевой, ведьмой, шлюхой и святой. Но сейчас, глядя на пустой горизонт, она была просто женщиной, которая прожила слишком долго.

Её мир умирал.

Ирландия Оуэна Дубдары, её отца, — страна кожаных лодок, боевых кличей и замков из серого камня, — уходила под воду, словно разбитый штормом галеон. Английский закон, жадный и безжалостный, полз по холмам Мэйо, выжигая древние леса и заменяя песни бардов сухим скрежетом судебных пергаментов. Старые боги прятались в туманах. Сыновья стали предателями.

Она обернулась. Ветер донёс далёкий свист — не то человека, не то птицы, не то скорбного духа с холмов. Где-то там, в часовне у заброшенного колодца Святой Бригитты, лежали кости, которые она так и не решилась потревожить.

Грания закрыла глаза. Перед внутренним взором вспыхнули не похоронные свечи, а пламя — яростное, оранжевое. Огонь, который она зажгла на башне Замка Петуха, ставшего Замком Курицы, чтобы спасти своих детей от английской стали. Она увидела лицо Хью — единственного мужчины, научившего её читать и целовать, и зарубленного в оленьем лесу кланом Макмагонов. Она почувствовала запах расплавленного свинца, которым поливала врагов, и соли, вьёвшейся в кожу навечно.

— *Terra marique potens*, — прошептала она сухими, потрескавшимися губами слова родового девиза. Сильные на суше и на море.

Она усмехнулась. Сильные не боятся смерти. Сильные боятся бессилия. Всю свою жизнь она доказывала мужчинам, что женщина — не проклятье на борту, а спасение. Что дочь вождя может держать штурвал крепче, чем пьяный муж. Что мать троих детей способна выпотрошить пирата быстрее, чем снять чулок.

Она была пираткой не потому, что любила золото. Она была пираткой, потому что море было последним местом, где гэльская женщина оставалась свободной.

И теперь, на закате жизни, проиграв последнюю битву

собственным сыновьям, предавшим род, Грануаль ждала гостя. Старый кастильский корабль, ведомый твёрдой рукой Рамиро де Молины, должен был показаться из тумана. Говорили, что после смерти Елизаветы, старой рыжей лисы, с которой она торговалась лицом к лицу в Уайтхолле, все договоры потеряли силу. За ней должны были прийти. Но придёт ли он раньше?

Скрип уключин. Из пелены дождя показался чёрный корпус шлюпки.

Она не знала, кто это — вестник смерти или избавления. Но она знала точно: пока она дышит, гэльское море не будет принадлежать никому. Ни английскому губернатору Бингему, ни предавшим её детям из рода Берков.

Это история не о смирении. Это история о том, как рыжеволосая дочь «Чёрного Дуба» объявила войну всему миру. И проиграла. Но так красиво, что певцы поют об этом до сих пор.

Вот о чём эта сага.

Невероятные приключения королевы пиратов.

Глава 1. Кровь и соль

Грания открыла глаза задолго до рассвета. Она всегда просыпалась раньше всех в замке Карригаули — раньше слуг, раньше брата, даже раньше петухов, которых держали на нижнем этаже вместе со скотом. В прямоугольной каменной башне, где дым очага смешивался с запахом навоза и солёной рыбы, тишина была особенной — густой, как овечья

шерсть, и такой же колючей.

Она сбросила грубое одеяло и натянула шерстяное платье, не дожидаясь помощи матери. Маргарет всё равно не одобряла её привычек. «Дочь вождя не должна бегать по скалам, как оборванка», — ворчала мать, но Грания давно научилась пропускать эти слова мимо ушей. Уши у неё были настроены на другое — на шум волн, разбивающихся о скалы в бухте.

Сегодня отец обещал взять её в море.

Чёрный Дуб — так называли Оуэна Дубдару и враги, и друзья. Прозвище шло не только от цвета волос, давно тронутых сединой, но и от характера: он был несокрушим, как корень старого дуба, растающего в каменистую почву Мэйо. Когда Грания спустилась во двор, он уже стоял у ворот, проверяя снасти. Его пальцы, грубые и узловатые, перебирали пеньковый канат с такой нежностью, с какой никогда не касались даже плеча жены.

— Ты снова без спроса, — сказал он, не оборачиваясь. Голос его звучал низко, как гул прибоя в пещере.

— Ты обещал, — ответила она, скрестив руки на груди. Ей было двенадцать, но держалась она как пятнадцатилетняя.

Оуэн наконец повернулся. Под густыми бровями блеснули глаза — тёмные, почти чёрные, доставшиеся дочери по наследству. Он усмехнулся в бороду.

— Море сегодня злое. Будет болтать, как пьяный англичанин. Не обделаешься?

— Скорее ты поседеешь от страха, — огрызнулась Грания.

Это был их ритуал. Каждое утро, когда она увязывалась за ним в бухту, они обменивались колкостями, словно ударами учебных мечей. Оуэн проверял её на прочность, а она доказывала, что достойна зваться дочерью вождя клана О'Мэлли.

Умалл-Уахтара — так называли их земли на древнем гэльском наречии. Край неприветливый, продуваемый всеми ветрами Атлантики, где люди испокон веков жили за счёт моря. Здесь рождались и умирали под парусом. Здесь каждый купец был одновременно воином, а каждый рыбак — пиратом, если того требовал случай. Здесь женщина могла править кланом, но для этого ей нужно было стать страшнее любого мужчины.

В бухте их ждала кожаная лодка — лёгкая, вёрткая, обшитая промасленными шкурами. Такие суда клан О'Мэлли использовал для прибрежного промысла и быстрых набегов. Для дальних походов в Испанию и Шотландию служили большие галеры с вёслами и парусами, но сегодня у Оуэна были другие планы.

— Залезай, — коротко бросил он.

Грания прыгнула в лодку первой, не дожидаясь помощи. Отец одобрительно хмыкнул и оттолкнул судёнышко от берега. Вёсла легли в воду почти бесшумно — сказывалась многолетняя привычка подкрадываться к врагу или добыче незаметно.

— Куда плывём? — спросила она, когда замок Карригаули превратился в серый прямоугольник на фоне хмурого неба.

— На север, к Чёрным скалам. Говорят, там видели корабль Макмагонов. Хочу проверить, не суют ли они нос в наши воды.

Грания кивнула, хотя внутри всё сжалось от волнения. Макмагоны были старыми врагами. Ещё зимой их люди угнали три десятка коров из стад О'Мэлли, и с тех пор между кланами тлела война — необъявленная, но кровопролитная. Отец не прощал обид. Он вообще ничего не прощал.

Лодка рассекала свинцовую воду, взбираясь на гребни волн и проваливаясь в ложбины между ними. Солёные брызги летели в лицо, оседали на ресницах, стекали за шиворот. Грания не пряталась, не жмурилась — она вглядывалась в горизонт, пытаясь разглядеть то, что видит отец.

— Смотри, — вдруг сказал он, указывая на далёкий мыс. — Видишь пену у подножия скалы? Это рифы. Если ветер с запада, лодку несёт прямо на них. Новичок попытается грести сильнее — и разобьётся вдребезги. А опытный моряк знает: нужно уходить мористее, против течения, а потом, когда волна пойдёт на спад, проскочить в протоку.

— Покажи, — потребовала Грания.

Оуэн усмехнулся и передал ей одно из вёсел. Девочка вцепилась в деревянную рукоять, чувствуя, как тяжёлая вода сопротивляется каждому движению. Мышцы заныли почти

сразу, но она стиснула зубы. Боль была знакомой — как старый друг, с которым лучше не спорить, а договариваться.

— Сильнее! — рявкнул отец. — В море никто не спросит, удобно тебе или нет! Море либо слушается, либо убивает!

Она не помнила, сколько они пробыли у рифов. Время в море текло иначе — его измеряли не часами, а приливами, порывами ветра и количеством соли на губах. Но когда они наконец легли в дрейф, укрывшись в тени высокой скалы, Грания уже едва дышала. Ладони горели, плечи ныли, но глаза сияли торжеством.

— Отец, — тихо позвала она, когда они ждали появления вражеского корабля. — Почему ты позволяешь мне ходить в море? Мать говорит, это позор для клана. Что женщина должна сидеть у очага и рожать детей.

Оуэн долго молчал, глядя на горизонт. Потом сплюнул за борт и провёл ладонью по лицу.

— Твоя мать выросла в доме, где полы были каменными, а стены — сухими. Она не знает, что такое держать весло, когда волна выше замковой башни. А ты... — он повернулся и впервые за долгое время посмотрел на дочь не как на ребёнка, а как на равную. — Ты рождена для моря. И будь я проклят, если позволю кому-то запереть тебя на суше.

В этот момент из-за скалы показался парус.

Сердце Грании ухнуло в пятки. Парус был полосатым — красно-белым, как у галер Макмагонов. Оуэн мгновенно напрягся, его рука скользнула к длинному ножу, заткнутому за

пояс.

— Тихо, — прошептал он. — Не шевелись. Нас пока не заметили.

Грания замерла, почти перестав дышать. Вражеская галера проходила совсем близко — она слышала скрип уключин, крики матросов, обрывки грубой гэльской речи. Два десятка воинов, вооружённых абордажными топорами и короткими мечами. Если их заметят, двум людям в утлой кожаной лодке не спастись.

Но боги в тот день были на стороне О'Мэлли. Галера прошла мимо и скрылась за мысом, не заметив добычи. Оуэн выдохнул и повернулся к дочери.

— Видела?

— Видела, — шёпотом ответила она.

— Запомни этих ублюдков. Однажды ты встретишь их в море. И тогда ты должна быть быстрее.

Обратно они возвращались молча. Вёсла ложились в воду плавно, почти беззвучно. Солнце, пробившееся сквозь тучи, окрасило горизонт в бледно-розовый цвет. Грания сидела на корме и смотрела на отца — широкие плечи, мокрая от пота рубаша, спокойный, ничего не выражающий взгляд. Он был её героем. Её богом. Её единственной защитой в мире, где женщина не стоила и половины хорошего меча.

Она ещё не знала, что жить ему оставалось четыре года.

Вечером, когда они вернулись в замок, Маргарет встретила их на пороге. Лицо её было бледным, а в глазах плескалась

тревога, смешанная с привычным неодобрением.

— Опять? — холодно спросила она, глядя на дочь. — Ты снова таскал её в море, Оуэн?

— Она моя дочь, — отрезал вождь, проходя мимо жены. — И будет делать то, что я скажу.

— Она — девчонка! — Маргарет повысила голос. — Ей нужно учиться вести хозяйство, а не болтаться по волнам, как безродному юнге!

— Хозяйство? — Оуэн резко обернулся. — Кому какое дело до хозяйства, если завтра Макмагоны вырежут весь наш клан? Пусть лучше умеет держать нож, чем вышивать рубахи.

Маргарет поджала губы, но ничего не ответила. Она знала, что спорить с мужем бесполезно. Чёрный Дуб всегда делал то, что считал нужным, и не оглядывался на чужое мнение.

Грания прошмыгнула мимо родителей и поднялась на верхний этаж башни, где в общем зале уже накрывали ужин. За длинным деревянным столом сидели воины клана — человек тридцать, все в грубой шерстяной одежде, пропахшей дымом и рыбой. При виде дочери вождя они почтительно склонили головы, но в глазах некоторых она заметила насмешку. Девчонка, которая хочет быть моряком. Сколько таких уже было?

Она села на своё место — рядом с братом Индульфом. Тот был старше на два года и уже сейчас смотрел на сестру с плохо скрываемой завистью. Отец никогда не брал его в

море так часто, как Гранию.

— Ну что, сестрица, — процедил он сквозь зубы, — наловила рыбы?

— Увидела кое-что покрупнее, — спокойно ответила она. — Галера Макмагонов прошла в двух полётах стрелы. Два десятка воинов, все при оружии.

Индульф поперхнулся элем. По столу пробежал шёпот.

— И что ты сделала? — спросил он.

— Ничего. Мы были вдвоём на лодке. Но теперь я знаю, куда они ходят, и в следующий раз мы встретим их с подобающим приёмом.

Кто-то из воинов одобрительно хмыкнул. Другой нахмурился, явно недовольный тем, что девчонка говорит о войне так, будто имеет на это право. Но никто не сказал ни слова поперёк. Потому что за Гранией стоял Оуэн. А спорить с Чёрным Дубом значило нарываться на крупные неприятности.

Ночью, лёжа на жёсткой лежанке, завёрнутая в овечью шкуру, Грания долго не могла уснуть. Она вспоминала парус Макмагонов — красно-белый, похожий на кровавую полосу на сером небе. Вспоминала слова отца. «Ты рождена для моря». Это звучало гордо, но она уже понимала: быть женщиной в море — значит доказывать свою ценность каждый день. Каждую минуту. Без права на ошибку.

Но Грания не боялась. Страх был роскошью, которую она не могла себе позволить.

За окном шумел ветер, а где-то далеко, в темноте, волны разбивались о Чёрные скалы.

Она уснула только под утро, сжимая в руке маленький нож, подаренный отцом. С ним она чувствовала себя в безопасности.

Она ещё не знала, что скоро этот нож окрасится кровью.

Глава 2. Змея в кубке

Четыре года пролетели как стая перепуганных чаек — быстро, шумно и без следа.

Грании исполнилось шестнадцать, и она превратилась в высокую, сильную девушку с гривой непокорных волос, которые мать тщетно пыталась заплетать в приличную косу. Кожа её загрубела от ветра и соли, а ладони покрылись мозолями — такими же, как у любого мужчины из команды отца. Она управлялась с веслом не хуже опытного гребца, могла разделать рыбу одним движением ножа и знала наизусть все рифы и течения вдоль побережья Мэйо.

Но четырнадцатый год правления Генриха Тюдора на английском троне принёс в Ирландию не только привычные дожди, но и беду, которую никто не ждал.

Оуэн Дубдара вернулся из Испании больным. Его большая галера «Морской Вепрь» пришвартовалась в бухте Карригаули тихо, без обычных победных криков. Матросы, мрачные и осунувшиеся, вынесли вождя на берег на самодельных носилках, сбитых из двух вёсел и куска парусины.

Грания первой бросилась к отцу.

— Что случилось? — крикнула она, хватая его за руку. Ладонь была горячей, как камень, пролежавший день на солнце.

— Лихорадка, — прохрипел Оуэн, не открывая глаз. — Подхватил в каком-то проклятом порту... Воды...

Она сама поила его, сидя у постели дни и ночи напролёт. Маргарет, бледная и молчаливая, готовила травяные отвары — ромашку, кору ивы, зверобой. Старая знахарка Мойра, пришедшая из соседнего септа, шептала заклинания над телом вождя и жгла пучки сушёной полыни, отгоняя злых духов. Но ничего не помогало.

На пятый день Оуэну стало лучше. Он открыл глаза, попросил эля и даже попытался сесть. В замке вздохнули с облегчением. Грания, измученная бессонницей, позволила себе проспать целую ночь.

А наутро отец умер.

Она нашла его на рассвете — неподвижного, с почерневшими губами и застывшим взглядом, устремлённым в каменный потолок. Крик, вырвавшийся из её груди, разбудил весь замок. Прибежали слуги, воины, мать. Последним явился брат Домналл, которого уже тогда за глаза называли Волинщиком — за любовь к музыке и нелюбовь к дракам.

— Он был уже немолод, — тихо сказал Домналл, стоя над телом. — Лихорадка забрала многих...

— Это не лихорадка, — перебила Грания. Голос её прозвучал глухо и странно спокойно.

Все повернулись к ней.

— Что ты несёшь? — нахмурилась Маргарет.

Вместо ответа Грания указала на губы отца. Их цвет был неестественным — иссиня-чёрным, словно он пил чернила, а не воду. Потом она взяла со стола пустой кубок, из которого Оуэн пил накануне вечером, и поднесла к носу. Пахло элем, но под этим запахом скрывался другой — сладковатый и тошнотворный.

— Болиголов, — сказала она, и слово упало в тишину, как камень в колодец.

Маргарет ахнула. Домналл побледнел. Воины, стоявшие у дверей, начали переглядываться.

— Кто? — выдохнула мать. — Кто посмел?

Грания медленно обвела взглядом присутствующих. Каждое лицо, каждый взгляд, каждую дрогнувшую руку. Она искала предателя. И она его найдет.

Похороны Чёрного Дуба прошли по древнему обычаю. Тело, завёрнутое в лучший шерстяной плащ, сожгли на погребальном костре, сложенном на вершине утёса. Пламя взметнулось к небу, и вместе с дымом душа Оуэна Дубдары ушла в край вечной охоты и бесконечного моря.

А потом пришло время выбирать нового вождя.

Собрание клана — тинах — проходило в главном зале замка. Воины, старейшины, дальние родичи — все, кто имел право голоса, собрались вокруг дубового стола. По закону вождём должен был стать Домналл, старший сын. Танистом

— его заместителем — назначили дальнего кузена, Бриана Косого.

Грания стояла у стены, скрестив руки. Она знала, что женщина не может претендовать на власть. Таков был закон предков, и даже если бы она бросила вызов брату на ножах, тинах никогда не утвердил бы её вождём. Но у неё была другая цель.

Когда собрание закончилось и все потянулись к бочкам с элем — поминать усопшего и славить нового вождя, — Грания незаметно выскользнула из зала.

У неё было дело.

Ночь опустилась на побережье, и луна, похожая на обгрызенный ноготь, висела низко над морем. Грания пробиралась по замковому двору, прижимаясь к стенам. Её босые ноги бесшумно ступали по холодным камням. В правой руке она сжимала тот самый нож, подаренный отцом много лет назад.

Она уже знала, кто убийца. Знала почти наверняка.

Накануне смерти Оуэна она видела, как один из слуг — толстый, вечно потеющий Конн, бывший поварёнок, — выходил из кухни с кубком для вождя. Он нервничал, оглядывался, а заметив её, вздрогнул и едва не выронил поднос. Тогда Грания не придавала этому значения. Но теперь, сопоставив все детали, она поняла.

Конн не ночевал в замке. Узнав, что дочь вождя подозревает отравление, он бежал. Но далеко уйти не успел — Грания нашла его в рыбацкой хижине у восточной бухты, где он

прятался, дожидаясь попутной лодки.

Она вошла без стука. Конн сидел у очага, в котором едва тлел торф. При виде девушки он вскочил, опрокинув табурет.

— Госпожа... — залепетал он. — Я... я не...

— Заткнись, — холодно сказала Грания. — Ты добавил яд в эль моего отца. Я знаю. Вопрос только один: кто тебе заплатил?

Конн затрясся. Его маленькие глазки заметались по тёмным углам хижины. Бежать было некуда — позади него только стена, а перед ним стояла девушка с ножом, и выражение её лица не оставляло надежды на пощаду.

— Они... они угрожали мне! — взвизгнул он. — Сказали, что убьют мою семью! Мою жену, моих детей! Я не хотел, клянусь всеми святыми!

— Кто? — повторила Грания, делая шаг вперёд.

— Макмагоны! — выкрикнул Конн. — Их люди нашли меня, когда я ездил в Голуэй за специями! Сказали, что если я не помогу им, они вырежут весь мой род! И дали вот это...

Он вытащил из-за пазухи кожаный мешочек и дрожащими руками бросил к ногам Грании. Мешочек звякнул — внутри были серебряные монеты с грубо вычеканенным профилем английского короля.

Грания подняла мешочек, взвесила в руке. Потом посмотрела на Конна, и тот, встретив её взгляд, осел на пол, закрыв лицо руками.

— Я не хотел... — прошептал он. — Простите меня...

— Ты убил моего отца, — сказала Грания. Голос её был ровным, как штиль перед бурей. — Ты отравил вождя клана О'Мэлли. Ты предал нас. И ты просишь прощения?

Конн поднял голову, и в его глазах блеснула надежда. Надежда на то, что дочь Чёрного Дуба окажется милосерднее своего отца.

Зря.

Удар был быстрым и точным — под левое ребро, снизу вверх, как учил Оуэн. Конн даже не вскрикнул. Он только широко раскрыл рот, из которого вытекла струйка слюны, и повалился набок, уставившись в огонь уже мёртвыми глазами.

Грания вытерла нож о его рубаху и вышла из хижины. На востоке, над морем, занимался серый рассвет.

Она не чувствовала ни торжества, ни облегчения. Только пустоту. И холодную, расчётливую ярость, которая ещё не нашла выхода. Макмагоны заплатили слуге, чтобы убить её отца. Это была не просто месть за старые обиды. Это было объявление войны.

И Грания собиралась на неё ответить.

Вернувшись в замок, она молча прошла мимо полусонных стражников и поднялась на верхний этаж. В зале ещё пировали — новый вождь Домналл сидел во главе стола, раскрасневшийся от эля, и слушал, как старый бард поёт хвалебную песнь о подвигах Чёрного Дуба. Никто не заметил её отсут-

ствия. Никто не заметил крови на подоле платья.

Только мать, сидевшая в углу с каменным лицом, проводила дочь долгим, понимающим взглядом.

— Ты сделала это? — тихо спросила Маргарет, когда Грания опустилась рядом.

— Да.

— Хорошо.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Но в этот момент между ними протянулась нить понимания — тонкая и прочная, как паутина. Женщины в этом мире не могли править. Но они могли мстить.

На следующий день Домналл созвал совет старейшин. Брат, хоть и не отличался воинственностью, понимал: клан ждёт ответа. Смерть вождя от яда нельзя было оставлять безнаказанной. Это означало бы показать слабость, а слабых в Мэйо не жалели.

— Мы объявим войну Макмагонам? — спросил один из старейшин.

Домналл помедлил. Его пальцы нервно теребили край плаща.

— Нужно готовить корабли, — сказал он наконец. — Но прежде я должен убедиться, что у нас достаточно союзников. Море кишит не только Макмагонами.

— Пока ты будешь убеждаться, — раздался голос от дверей, — они снова ударят.

Все обернулись. В проёме стояла Грания, одетая в муж-

скую куртку и высокие сапоги. Волосы её были стянуты в тугой узел, а на поясе висел отцовский кинжал.

— Сестра, — нахмурился Домналл, — это совет вождя. Тебе здесь не место.

— Мой отец так не считал, — отрезала она, входя в зал.
— И я пришла не спорить. Я пришла предложить союз.

— Союз? С кем?

— С кланом О'Флаэрти.

По залу пробежал удивлённый гул. О'Флаэрти были сильным и богатым кланом, владевшим землями в соседнем Голуэе. Их вождь, Домналл Воинственный, славился жестокостью и неутомимой жадой битв. Союз с ним мог защитить О'Мэлли от Макмагонов. Но за союз надо было платить.

— Они не помогут нам бесплатно, — заметил Бриан Косой. — Что ты можешь им предложить?

Грания выдержала паузу. Она знала, что её слова изменят всё. Знала, что обратного пути не будет. Но выбора не было.

— Себя, — сказала она. — Я стану женой таниста О'Флаэрти. Скреплю союз кровью. И тогда у нас будет достаточно сил, чтобы выжечь логово Макмагонов дотла.

В зале стало тихо. Так тихо, что было слышно, как потрескивает торф в очаге.

Домналл посмотрел на сестру долгим взглядом. Он не был глупцом. Он понимал, что она жертвует собой не ради него, не ради клана, а ради мести. Но ему было всё равно. Союз с О'Флаэрти решал многие проблемы.

— Хорошо, — сказал он. — Я отправлю гонца.

Когда Грания вышла из зала, мать ждала её в коридоре.

— Ты сошла с ума, — прошептала Маргарет. — Домналл Воинственный — чудовище. Он убьёт тебя.

— Или я его, — спокойно ответила Грания и пошла прочь, не оглядываясь.

Она знала, что вступает на опасный путь. Знала, что брак с О'Флаэрти не будет счастливым. Но это была единственная возможность собрать силы для войны, которая теперь стала смыслом её жизни.

Макмагоны думали, что убили Чёрного Дуба и ослабили клан.

Они ошибались.

Они разбудили того, кто окажется страшнее любого мужчины.

Глава 3. Цена свободы

Свадьбу сыграли через месяц.

Замок Баллинахинч, твердыня клана О'Флаэрти, возвышался над озером, как серый каменный кулак, грозящий небесам. В отличие от скромного Карригаули, это была настоящая крепость — с двойными стенами, глубоким рвом и дозорной башней, с которой просматривались окрестности на много миль вокруг. Владения О'Флаэрти были богаты: тучные пастбища, густые леса и выход к морю. Их воины носили кольчуги, захваченные в набегах, и пили вино из серебряных кубков.

Грания прибыла в Баллинахинч в сопровождении двадцати вооружённых всадников, посланных Домналлом Волинщиком, чтобы продемонстрировать: клан О'Мэлли не нищие попрошайки, а равные союзники. На ней было лучшее платье из тёмно-зелёной шерсти, расшитое серебряной нитью по вороту и рукавам. Мать плакала, прощаясь, но Грания не проронила ни слезинки. Она ехала не на свадьбу. Она ехала на войну, которая пока называлась браком.

Жених встретил её у ворот. Домналл О'Флаэрти по прозвищу Воинственный оказался именно таким, каким его описывала молва: широкоплечий, рыжебородый, с перебитым в давней драке носом и холодными голубыми глазами, которые смотрели на невесту без тени тепла. Он оценивал её, как оценивают породистую кобылу: рост, статью, зубы. Грания выдержала этот взгляд не дрогнув.

— Значит, ты и есть дочь Чёрного Дуба, — произнёс он вместо приветствия. Голос у него был хриплый, как скрежет точильного камня.

— Я — Грания Ни Мэлли, — ответила она. — И мой отец говорил, что меч стоит больше, чем родословная.

Домналл усмехнулся. Ему нравились женщины с характером — по крайней мере, на первой неделе брака.

Пир длился три дня. Жареные бычьи туши, реки эля, крики гостей и песни бардов — всё смешалось в удушливый водоворот. Грания сидела рядом с мужем, ела мало и пила только воду, внимательно наблюдая за происходящим. Она

изучала новый клан, как изучают карту незнакомого побережья.

О'Флаэрти были сильны, но их сила держалась на страхе. Домналл Воинственный правил железной рукой, не прощая ни малейшего неповиновения. Его танист — тот самый человек, за которого по договору должна была выйти Грания, — погиб в стычке за месяц до свадьбы, и теперь Домналл, недолго думая, взял невесту себе. Никто не возражал. Возражать вождю здесь было не принято.

Когда пир закончился и гости разошлись, служанки отвели Гранию в покои на верхнем этаже башни. Комната была богаче, чем всё, что она видела в Карригаули: гобелены на стенах, дубовая кровать под балдахином, сундук, полный платьев и украшений, оставшихся от предыдущей жены вождя, умершей родами два года назад.

Грания подошла к узкому окну и выглянула наружу. Внизу, за стенами замка, плескалось тёмное озеро, а за ним, невидимое отсюда, лежало море. Её море. Её свобода.

— Скучаешь по дому?

Она обернулась. В дверях стоял Домналл, заполняя проём своей массивной фигурой. Он был пьян, но держался на ногах твёрдо — сказывалась многолетняя привычка.

— Я скучаю по отцу, — ответила Грания. — А дом теперь здесь.

— Умный ответ, — хмыкнул Домналл, входя в комнату. — Мне говорили, что ты ходила в море с отцом.

— Ходила. И сражалась тоже.

— Женщина с ножом — это забавно, — он подошёл ближе, и Грания почувствовала запах перегара и кожи. — Но здесь тебе не придётся сражаться. Здесь твоё дело — рожать мне сыновей и следить за хозяйством. Поняла?

Грания медленно подняла на него глаза.

— Поняла, — сказала она ровно, но в голосе прозвучала нотка, которая не понравилась бы ни одному мужчине, если бы он был достаточно трезв, чтобы её уловить.

Первые месяцы брака тянулись, как похоронная процессия. Грания делала то, что от неё требовали: вела хозяйство, следила за слугами, шила, пряла, присутствовала на пирах. Она даже научилась улыбаться, когда требовалось, и молчать, когда хотелось кричать.

Но внутри неё зрело нечто тёмное и опасное. Она наблюдала. Она запоминала. Она ждала.

Домналл почти не бывал дома. Он воевал с соседями — мелкими кланами, которые отказывались платить дань. Обычно эти войны сводились к угону скота, сожжённым деревням и вероломным ночным нападениям. Иногда он возвращался с добычей, иногда — с ранами, но всегда в приподнятом настроении. Убийство, как поняла Грания, было для него не средством, а удовольствием.

Но море он не любил. Его корабли — три большие галеры и десяток рыбацких лодок — ржавели в бухте без дела. Команды бездельничали, напивались и дрались друг с другом

от скуки.

Однажды, когда Домналл в очередной раз уехал в набег на восток, Грания спустилась в бухту.

Моряки встретили её с удивлением. Женщина вождя, одна, без свиты, стоит на берегу и разглядывает галеры, как купец разглядывает товар.

— Кто здесь старший? — спросила она.

Вперёд вышел коренастый седобородый мужчина с выцветшими от солнца татуировками на руках. Его звали Киран, и он ходил в море с тех пор, как научился держать весло.

— Я, госпожа. Но корабли сейчас не готовы к выходу. Вождь не приказывал...

— Вождь на суше, — перебила Грания. — А море не ждёт приказов. Ты знаешь, чья я дочь?

Киран кивнул. Слухи о Чёрном Дубе и его дочери, вышедшей в море наравне с мужчинами, дошли даже до Голуэя.

— Тогда ты знаешь, что я не просто жена твоего вождя, — продолжала она. — Я моряк. И если вы будете сидеть на берегу ещё месяц, то забудете, с какой стороны братья за штурвал.

— Но господин Домналл...

— Господин Домналл воюет с соседями. А наше богатство, — она обвела рукой горизонт, — приходит с моря. Сколько купеческих судов прошло мимо этой бухты за последний месяц? Сколько добычи мы упустили?

Моряки переглянулись. В их глазах зажёгся интерес, сме-

шанный с недоверием.

— Я предлагаю вам дело, — сказала Грания. — Завтра на рассвете я выхожу в море. Кто хочет — присоединяйтесь. Кто боится — оставайтесь. Но знайте: тот, кто пойдёт со мной, получит равную долю добычи. Я не присваиваю чужого.

Киран усмехнулся в усы.

— Ты говоришь как настоящий капитан, госпожа. Но я слышал, что женщина на корабле — дурная примета.

— Дурная примета, — согласилась Грания, — это пустой корабль и пустой кошелёк. Выбирай.

На следующее утро в бухте собралось двадцать человек. Не все — большинство предпочло остаться на берегу, опасаясь гнева вождя. Но те, кто пришёл, были лучшими: опытные головорезы, соскучившиеся по настоящему делу.

Грания сама встала к штурвалу. Она выбрала самую лёгкую галеру — вёртку, с двадцатью вёслами и треугольным парусом. Такую, на каких ходили в разведку ещё при отце.

Ветер дул с запада, поднимая крутую волну. Галера вышла из бухты и взяла курс на юг, к торговым путям, соединявшим Голуэй с испанскими портами. Грания стояла на корме, вцепившись в штурвал, и чувствовала, как оживает каждая клеточка её тела. Солёные брызги, крики чаек, скрип снастей — всё это было музыкой, по которой она так тосковала эти долгие месяцы.

К вечеру они заметили парус.

— Торговец, — доложил Киран, прищурившись. — Английский флаг. Идёт из Голуэя, судя по курсу. Наверняка везёт ткани и вино.

— Берём, — коротко сказала Грания.

— Без предупреждения?

— Англичане не предупреждают, когда вешают наших людей. Поднять паруса, приготовить абордажные крючья.

Галера рванулась вперёд, разрезая волны, как нож разрезает мясо. Торговец заметил их слишком поздно. Его команда попыталась развернуться, но тяжёлое судно было неповоротливым, как сонная корова. Через четверть часа пираты были у борта.

— Крючья! — скомандовала Грания и первой прыгнула на вражескую палубу.

Она приземлилась на ноги, выхватив кинжал. Перед ней стоял капитан — толстый, лысый, с побелевшим от ужаса лицом. Он даже не успел вытащить меч, когда остриё упёрлось ему в горло.

— Кошелёк или жизнь, — спокойно произнесла Грания.

Капитан, заикаясь, предложил выкуп. Две трети груза. Но Грания только покачала головой.

— Всё. Вы оставите нам всё — ткани, вино, монеты. А себе возьмёте жизнь и лодку. И передайте своим в Голуэе, что отныне эти воды принадлежат Грануаль Ни Мэлли. Кто хочет пройти — пусть платит.

Она не знала, когда именно в её голове родилось это имя.

Может быть, в детстве, когда отец впервые взял её в море. А может быть, сейчас, на палубе захваченного корабля. Но с этого дня она перестала быть просто Гранией из клана О'Мэлли.

Она стала Грануаль. Королева пиратов.

Весть о захвате английского торговца облетела побережье за неделю. Моряки, прежде сомневавшиеся, потянулись к бухте Баллинахинч. Им было всё равно, кто стоит у штурвала — мужчина или женщина. Им нужна была добыча.

Домналл вернулся через месяц и застал в своей бухте не прежний хлам, а три готовые к выходу галеры с полными командами. На берегу штабелями лежали тюки с тканями, бочки с вином и сундуки с серебром.

— Что это? — прорычал он, ворвавшись в покои жены.

Грания сидела за столом, изучая карту побережья.

— Это добыча, — ответила она не поднимая глаз. — Твои корабли, муж мой, больше не ржавеют без дела.

— Мои корабли?! — Домналл схватил её за плечо и рывком поднял на ноги. — Ты забыла своё место, женщина!

Она посмотрела ему в глаза. Её взгляд был спокоен и твёрд, как море перед штормом.

— Ты можешь убить меня, — сказала она тихо. — И тогда вся команда, которую я собрала, уйдёт. Потому что они пошли за мной, а не за тобой. Или ты можешь принять мою долю добычи и иметь самый сильный флот на западном побережье.

Домналл долго молчал. Желваки играли на его скулах. Пальцы, сжимавшие её плечо, дрогнули.

— Хорошо, — процедил он наконец. — Продолжай. Но помни: море — твоё, а земля — моя. И не смей переходить мне дорогу.

Он отпустил её и вышел, хлопнув дверью. Грания опустилась обратно на стул и перевела дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, но она улыбнулась.

Она заплатила свою цену за свободу. И получила первый настоящий флот.

Теперь оставалось только дожждаться часа, когда она сможет направить его против Макмагонов.

Глава 4. Свинец и пламя

Прошло три года. Грания родила Домналлу Воинственному троих детей: Оуэна, Мерроу и маленькую Маргарет. Роды проходили тяжело, но она каждый раз поднималась с постели быстрее, чем предписывали знахарки. Море не ждало, а клан О'Флаэрти привык к тому, что их хозяйка исчезает на недели, оставляя младенцев на попечение кормилиц.

Домналл не возражал. Флот приносил золото, а золото позволяло ему нанимать новых воинов для сухопутных набегов. Он всё так же презирал море, но научился ценить жену, которая делала за него грязную работу. В замке их отношения напоминали вооружённое перемирие: два хищника, вынужденные делить одно логово, старались не поворачиваться друг к другу спиной.

А потом пришли англичане.

Случилось это в начале осени, когда листья на дубах только начинали желтеть, а море штормило почти каждый день. Грания как раз вернулась из короткого рейда и сидела в главном зале замка, играя с маленьким Оуэном, когда в двери вбежал запыхавшийся дозорный.

— Корабли! — выдохнул он. — Английские корабли в бухте. Три галеона, полные солдат!

Грания вскочила, прижимая сына к груди. Сердце ухнуло в пятки, но разум уже включился в боевой режим.

— Сколько у нас людей? — резко спросила она.

— Две дюжины, госпожа, не больше. Остальные с вождём ушли на север, угонять скот у О'Конноров.

Проклятие. Домналл забрал почти всех боеспособных мужчин, оставив замок практически беззащитным. Старики, женщины, дети и горстка воинов гарнизона — вот и всё, что могло противостоять трём галеонам королевской пехоты.

— Закрыть ворота! — скомандовала Грания. — Поднять мост! Лучников — на стены!

Замок пришёл в движение. Заскрипели цепи подъёмного моста, захлопали ставни, загремели доспехи. Грания передала детей старой кормилице и велела запереться в самой верхней комнате башни.

— Если замок падёт, — сказала она тихо, — ты знаешь, что делать.

Кормилица побледнела, но кивнула. Она знала. В Ирлан-

дии плен означал нечто худшее, чем смерть.

Англичане высадились на берег и начали окружать замок. Их было не меньше сотни — закованные в кирасы пехотинцы с длинными копьями и тяжёлыми мечами. Командовал ими сэр Томас Уинтер, старый рубака, прославившийся жестоким подавлением мятежей в Манстере. Ему приказали примерно наказать клан О'Флаэрти за пиратские нападения на королевские торговые суда, и он намеревался выполнить приказ с максимальной тщательностью.

— Именем короля Генриха, откройте ворота! — прокричал герольд, выехавший вперёд под белым флагом. — Сложите оружие, и вам сохранят жизнь!

Грания стояла на стене, глядя вниз. Её глаза сузились. Она слишком хорошо знала цену английским обещаниям.

— Убирайтесь, — коротко ответила она. — Здесь вам не рады.

Герольд, явно не ожидавший услышать женский голос, растерялся. Потом, взяв себя в руки, прокричал снова:

— В замке находится женщина? Где ваш господин?

— Ваш господин — я, — ответила Грания. — И если вы не уйдёте сейчас же, я лично позабочусь о том, чтобы ваши головы украсили эти ворота.

Англичане засмеялись. Женщина на стене — это казалось им шуткой, удачной комедией перед лёгкой победой. Сэр Томас Уинтер, даже не потрудившись ответить, махнул рукой, и солдаты двинулись на штурм.

Это была его первая ошибка.

Грания знала каждый камень этого замка. За три года она изучила его слабые и сильные стороны, продумала каждый угол, каждую бойницу. Стрелы полетели со стен, находя свои цели с пугающей точностью. Англичане, не ожидавшие серьёзного сопротивления, откатились назад, оставив на земле несколько тел.

— Они сейчас пойдут с тараном, — сказала Грания стоявшему рядом Кирану. — Готовьте котлы.

— Котлы? — не понял старый моряк. — У нас нет кипящего масла, госпожа.

— Масло не понадобится. Есть кое-что получше.

Она поднялась на верхнюю площадку башни, где находилась старая голубятня. Птиц давно съели в голодную зиму, и теперь здесь лежали груды ненужного хлама. Но Гранию интересовало не это.

Крыша замка была покрыта свинцовыми листами — старыми, почерневшими от времени, но всё ещё прочными. Свинец плавился при невысокой температуре, и огонь в очаге главного зала горел с самого утра.

— Разведите огонь наверху, — приказала она. — И тащите сюда всё, что может гореть: хворост, солому, старую мебель. Быстро!

Пока солдаты Уинтера готовили таран, на крыше замка закипала работа. Два десятка человек передавали друг другу вёдра с водой, тушили искры и подкладывали дрова. В цен-

тре площадки, на грубо сложенном каменном очаге, плавился свинец. Грания сама стояла у огня, следя за процессом. Жар опалял лицо, но она не отходила ни на шаг.

— Готово, — наконец сказала она, глядя, как тяжёлый серебристый металл превращается в густую, вязкую жидкость. — Несите к бойницам. И ждите моего сигнала.

Внизу затрещали удары тарана. Дубовые ворота, окованные железом, держались, но каждая новая атака сотрясала их всё сильнее. Защитники осыпали англичан стрелами и камнями, но их было слишком много. Они прикрывались большими щитами, и потери не останавливали их.

— Ворота долго не выдержат, — доложил Киран.

— И не надо, — ответила Грания. — Дайте им прорваться во двор.

— Что?!

— Делайте, что я говорю.

Она спустилась вниз и заняла позицию в узком проходе между воротами и главной башней. В руках у неё был отцовский кинжал, а за спиной — дюжина лучших воинов, оставшихся в замке. Наверху, над бойницами, замерли женщины и старики, сжимая в руках котлы с расплавленным свинцом.

Ворота рухнули с оглушительным треском. Английские солдаты, издав торжествующий клич, хлынули во двор — и попали в ловушку.

— Сейчас! — крикнула Грания.

Сверху, из бойниц, полился расплавленный металл. Сви-

нец падал на шлемы и доспехи, прожигая железо и кожу, заливая лица, превращая крики ярости в вопли боли. Первые ряды атакующих рухнули, сбивая задних. Во дворе началась паника.

— В атаку! — закричала Грания и первой бросилась вперёд.

Её кинжал нашёл горло ближайшего солдата, упавшего на колени и пытавшегося сорвать раскалённый шлем. За ней последовали воины О'Флаэрти, рубя ошеломлённых англичан. Бой в тесном дворе превратился в мясорубку, где численное преимущество нападавших обернулось против них самих: они мешали друг другу, топтали раненых и не могли развернуться.

Но Грания понимала: этого недостаточно. Свинец остывает, паника пройдёт, и тогда англичане задавят их массой.

И тогда она зажгла сигнальный огонь.

На верхней площадке башни, куда она заранее велела сложить хворост и солому, вспыхнул огромный костёр. Столб пламени и дыма поднялся в серое небо — видимый на много миль вокруг.

Это был сигнал. Её корабли, караулившие добычу в открытом море, должны были увидеть его и вернуться.

Сэр Томас Уинтер, командовавший штурмом из безопасного отдаления, тоже заметил огонь. Но он не понял его значения. Он думал, что осаждённые жгут что-то в отчаянии, и приказал готовить вторую волну атаки.

Он не знал, что с моря к замку уже спешат три галеры.

Бой во дворе продолжался ещё около часа. Защитники, оттеснённые к башне, держались из последних сил. Грания потеряла счёт убитым ею врагам. Её руки по локоть были в чужой крови, а в голове гудело от усталости. Но она не отступала.

И когда англичане уже готовились нанести последний, решающий удар, в тыл им ударили её моряки.

Галеры вошли в бухту на вёслах, бесшумно, как ночные хищники. Сотня закалённых пиратов, оставив суда под охраной минимальных команд, обрушилась на английский лагерь с тыла. Они резали часовых, поджигали палатки, сеяли хаос. Солдаты Уинтера, зажатые между замком и морем, дрогнули и побежали.

Сэр Томас пытался восстановить порядок, но было поздно. Его собственная охрана была перебита, а сам он едва успел спастись, спрыгнув со скалы в воду и добравшись вплавь до одного из галеонов. Корабли спешно подняли паруса и ушли в открытое море, оставив на берегу больше половины своих людей — убитых, раненых и пленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.